
18+
АЛЕКСАНДР ЗОРИН
ОФЛАЙН ДЕТСТВО

Александр Зорин
Офлайн детство

https://litres.ru/74835252
ISBN 9785007163842

Аннотация

Эта книга не просто ностальгия по ушедшей эпохе — это разговор о дружбе, которая не нуждалась в лайках, о свободе и о взрослении, которое происходило через реальные ошибки, смех и ответственность. Книга подарит улыбку тем, кто узнает в этих историях собственное детство, и, возможно, немного удивит тех, кто вырос уже в эпоху глобального интернета — показав, каким шумным, непредсказуемым и по-настоящему живым может быть детство без единого гаджета в кармане.

Содержание

Горячий асфальт 5
Стрельба яйцами 8
Бартер: кофе на жвачку «Турбо» 11
Мятная жвачка 13
Прогулка по речке Тобол 15
Поездка на велосипеде за кукурузой 18
Зимние покатушки 22
Печёная картошка 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Офлайн детство

Александр Зорин

© Александр Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-6384-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горячий асфальт

Ах, Кустанай, начало 90-х годов. Главное — детство, которое пахло тополиным пухом, жареными пирожками из киоска и… свежим асфальтом. Особенно если этот асфальт только что привезли и вывалили горой посреди нашей улицы, которую наконец-то решили отремонтировать.

Для нас, дворовой детворы, это было событие грандиознее любого запуска ракеты. Вся наша ватага, как по команде, сбежалась смотреть на это чудо: огромную, дымящуюся, таинственно чёрную кучу. Она была ещё тёплая, почти горячая, и издавала такой пьянящий промышленный аромат, что нос закладывало от счастья.

А на мне, как назло, были новые резиновые сапоги. Ярко-синие, блестящие, они противно хлюпали при ходьбе, но мама сказала: «Саш, надень, там лужи после дождя!». Лужи, говорите? Ха! Рядом лежала целая гора приключений!

Идея родилась мгновенно и созрела в моей голове, как гриб после дождя. Что будет, если на эту кучу асфальта наступить?

— Ребята, смотрите! — скомандовал я, поднимаясь на тёплый склон.

Сначала я просто ходил, оставляя аккуратные следы. Потом начал прыгать. Асфальт был упругим, пружинистым, он прилипал к подошвам с приятным чавкающим звуком. Это

было невероятно! Я был первопроходцем, покоряющим вулкан Везувий, а мои синие сапоги — это специальная скафандрообувь.

Друзья сначала с опаской, а потом и с восторгом наблюдали за моим триумфом.

— Саш, давай ещё!

— А прыгни с разворота!

Я прыгал. Я исследовал. Я познавал мир всеми пятью чувствами — правда, обоняние к концу эксперимента немного притупилось.

Веселье длилось минут десять. Пока я не сошёл с «горы» победителем. И тут мы все увидели, что победа далась мне дорогой ценой. Мои новенькие синие сапоги было не узнать. Они украсились прочной, намертво прилипшей крошкой асфальта, а в некоторых местах, где было особенно горячо, резина поплыла и порозовела, обнажив мой замызганный носок.

Первая реакция — хохот. Мы все смеялись до слёз. Я похож на робота из асфальта! Это же круто!

Но солнце клонилось к закату, и с каждой минутой мысль о возвращении домой становилась всё страшнее. Веселье куда-то испарилось, а его место заняла холодная, липкая (прямо как мои сапоги) паника.

— Что скажешь маме? — спросил друг Витя.

Я молчал. В голове проносились варианты: «Напала собака», «Попал в мазут», «Подарил тому, у кого нет сапог»…

Переступив порог квартиры, я уже знал свою легенду. Мама, как и полагается маме, сразу учуяла неладное (в прямом и переносном смысле — я пах, как весь дорожный участок города).

— Саша! Что с сапогами?! Где они?

Я посмотрел на неё честнейшими глазами и выпалил:

— Их… их отобрали старшие ребята.

Наступила пауза. Мама смотрела то на мои асфальтовые носки, то в мои глаза. В её взгляде читалось столько всего: и недоверие, и попытка понять логику «старших ребят» (зачем им понадобились растоптанные резиновые сапоги?), и удивление.

— Какие старшие? — наконец выдавила она.

— Ну… такие… большие, — неуверенно добавил я.

Больше она не расспрашивала. Просто тяжело вздохнула, покачала головой и отправила меня отмываться.

И пусть сапоги были похоронены в мусорном баке на улице, память о той асфальтовой эпопее жива до сих пор.

Стрельба яйцами

Стояла жара, делать было нечего, и мы с младшим братом Алёшкой смотрели с балкона шестого этажа на уныло ползущие машины. И тут в мою голову, как опьяняющая дурная мысль, пришла идея.

— Алёша, — сказал я с важностью полководца. — У нас есть миссия.

Лицо брата сразу озарилось интересом. План был прост и гениален: провести артобстрел прохожих и машин куриными яйцами с высоты птичьего полёта, то есть с нашей крыши.

Я, как ответственный оператор, провёл разведку на кухне. В холодильнике, за банкой с огурцами, я обнаружил стратегический запас — целых восемь яиц, которые явно были не нужны маме, подумал тогда я. Судьба их была предрешена. Я разделил боеприпасы поровну: четыре — Алёше, четыре — себе. Мы с важным видом засунули яйца в карманы наших спортивных штанов и, ощущая себя диверсантами, двинулись в путь.

Через тёмный чердак, залезая по скрипучей лестнице, мы добрались до заветной крыши. Открывалась прекрасная панорама на наш двор и улицу. Мы расселись поудобнее за парапетом, как снайперы на позиции.

— Я начинаю, — торжественно прошептал я, выбирая цель.

Как раз мимо ехал ярко-синий седан. Я прицелился, поднял руку и метнул яйцо, которое пролетело по изящной дуге и… БАЦ! Размазалось по лобовому стеклу.

Эффект превзошёл все ожидания. Машина резко затормозила с визгом покрышек. Дверь распахнулась, и оттуда вывалился здоровенный дядька в майке-алкоголичке. Он не стал смотреть на своё заляпанное стекло, а сразу устремил взгляд прямо наверх, на нашу крышу. Кровь в жилах заледенела.

Инстинкт самосохранения сработал мгновенно. Я резко присел за парапет, прижавшись к тёплому полу так, что, казалось, сейчас сольюсь с ним воедино.

— Видит? — испуганно прошипел Алёша.

— Нет! — с триумфом прошептал я в ответ, чувствуя себя невидимым ниндзя. — Я спрятался! Он нас не заметил!

Я сидел в своём укрытии, слушая, как внизу тот самый дядька что-то недовольно бормочет и хлопает дверью. Опасность, казалось, миновала. Я перевёл дух и, полный чувства собственной неуязвимости, решил подняться для нового выстрела.

И тут случилось самое прекрасное и одновременно самое идиотское.

Когда я встал, моя нога наступила во что-то скользкое и липкое. Я посмотрел вниз и обомлел. Все штаны были залиты жёлтой жижей, из карманов свисали клочья скорлупы. Аромат свежего «омлета» ударил в нос. Я раздавил все

оставшиеся яйцеснаряды, когда в панике присел!

Застыл в позе человека, который только что сам себя победил. Алёша, увидев моё жёлтое месиво, сначала замер, а потом зашёлся в беззвучном смехе, упав на пол, и брыкал ногами от хохота.

Внизу машина с грязным стеклом наконец-то уехала. Миссия провалилась. Пришлось спускаться домой, пытаясь идти так, чтобы штаны не прилипали к ногам, и ломать голову над тем, как объяснить маме новую расцветку моей спортивной формы.

Бартер: кофе на жвачку «Турбо»

Моё детство пришлось на времена, когда банка растворимого кофе была не просто продуктом, а этакой твёрдой валютой, предметом роскоши и гордости. А жевательная резинка «Турбо» с её неповторимым шоколадным вкусом и вкладышами с машинами была несбыточной мечтой каждого пацана.

И вот однажды, движимый этой самой мечтой, я разработал гениальный, как мне тогда казалось, план. Мой отец как раз принёс домой заветную банку с кофе. Я действовал, как лучший оперативник спецслужб. Взял пустую стеклянную банку из-под того же кофе, свернул в трубочку плотную бумагу и вставил её в центр. Аккуратно, по краям и сверху, засыпал настоящий ароматный кофе, а в образовавшуюся пустоту цилиндрической формы для веса и объёма засыпал… сейчас уже не вспомнить — сахар или соль. Главное — выглядело всё на отлично.

Снарядив своего железного коня, величественный «Салют-С», я помчался в цыганский табор, что располагался неподалеку от автовокзала города Кустаная. Сердце колотилось от страха и предвкушения. Переговоры были краткими. Смуглые мужчины осмотрели банку, один из них попытался открыть крышку банки, но у него не получилось, так как я её заклеил заранее клеем «Момент». Покрутили в руках, кив-

нули. И вот она, пачка «Турбо» — у меня!

Я был на седьмом небе от счастья! Ветер свистел в ушах, а «Салют-С» летел, как настоящий истребитель. Вернувшись во двор, я устроил настоящую церемонию вскрытия. Все ребята с завистью наблюдали, как я с трепетом разворачиваю фольгу. Внутри — вкладыш с каким-то невероятным автомобилем, а сама жвачка пахла шоколадом. Я жевал неделю, откусывая крошечные кусочки, чтобы продлить удовольствие. Она уже давно потеряла вкус, стала как резиновая подошва, но была для меня дороже золота.

Успех вскружил голову. Решив, что нашёл золотую жилу, я спустя пару недель с тем же энтузиазмом и на том же «Салюте» совершил повторный вояж с очередной «фокусной» банкой.

Но тут меня ждало холодное отрезвление. Меня встретили не так приветливо. Тот самый мужчина, с которым я торговался в прошлый раз, взглянул на меня взглядом, от которого кровь стыла в жилах. Он взял банку, не глядя сунул её обратно в мои руки и сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Парень, за смекалку — респект и уважуха. Но обманывать — нехорошо. Больше к нам не приезжай. Понял?»

Я понял. И, быстро дав задний ход, на своём велосипеде поехал сквозь поля и лужи домой. Взрослые суровые люди просто, по-свойски, без лишних слов объяснили мне, что честность — она дороже любой жвачки «Турбо».

Мятная жвачка

Сейчас я вспоминаю об этом со смехом. Система была проста. Родители давали мне пятьдесят копеек на жевательную резинку. Мятную. Советского производства. Форма — квадратик.

Проблема была в том, что мне жвачка была нужна чуть менее, чем что-нибудь другое. А вот деньги… Деньги были нужны всегда. На новую модельку машинки, на футбольный мячик… Но попробуй объясни это родителям! А вот фраза «Мам, дай, пожалуйста, денег на жвачку!» работала безотказно.

И тут в моей голове, озарённой духом предпринимательства, родилась следующая схема. Выглядело это так. Я, как послушный сын, получал от мамы заветные пятьдесят копеек. С важным видом шёл в киоск и покупал одну мятную жвачку. Далее я выходил во двор, где меня уже поджидали «клиенты» — друзья, у которых либо денег не было вообще, либо родители были не столь лояльны в «жвачечном» вопросе.

Я вынимал пачку и делал своеобразный питч:

— Дима, видишь? Свежая, мятная. В киоске — пятьдесят копеек. У меня — всего тридцать. Последняя, братан!

Дима, соблазнённый возможностью сэкономить двадцать копеек (а это, на минуточку, две пачки семечек!), с радостью

вручал мне тридцать. Схема работала как швейцарские часы. Я оставался с чистой прибылью — тридцатью копейками, которые можно было потратить на что-то другое.

Я чувствовал себя гением финансового двора. Я был Рокфеллером в кедах! Я не продавал жвачку, я продавал идею, удобство и скидку! Мои друзья были счастливы, я был счастлив. Все в выигрыше.

Мои родители, конечно, рано или поздно всё поняли. Однажды отец, наблюдая, как я вручаю Пете жвачку в обмен на деньги, мудро заметил:

— Сын, я, конечно, рад, что ты освоил основы рыночной экономики… Но, может, ты уже откроешь точку обмена валюты в другом районе? А то наш двор начинает пахнуть мятной финансовой пирамидой.

Схема, конечно, рухнула. Но зато теперь я могу с гордостью сказать, что своё первое «предпринимательское дело» — в хорошем смысле этого слова — я провернул ещё в детстве, обналичив родительскую заботу о моих зубах в твёрдую, звонкую монету.

Прогулка по речке Тобол

Мой день рождения, 14 мая. Вторая смена в школе. До школьных уроков ещё 4 часа. Начало в 14:00. Это как подарок судьбы. Погода стояла обманчиво весенняя, но Тобол, старый упрямец, всё ещё не сдавался, и лежал лёд. Непрочный, пористый, с лужами на поверхности — идеальный полигон для героических подвигов.

Мы носились по этому ледяному катку как угорелые. Кричали, что мы полярные исследователи и что под нами — не Тобол, а Северный Ледовитый океан. Вовка был белым медведем, я — моржом, а Дима, самый азартный, вызвался быть пингвином. Ну, вы знаете, тем, который всегда попадает в неприятности в мультиках.

И вот перед Димой высилась неодолимая преграда — сугроб, наметённый ветром на льду. Небольшой.

— Смотрите, как я перемахну этого снежного барса! — закричал наш «пингвин», сделал замах и мощный прыжок.

Закон Архимеда в тот момент ликовал. Лёд под сугробом оказался не льдом, а тонкой плёнкой над ледяной водой. Раздался негромкий, но такой многообещающий хруст, и Дима исчез. Не полностью. На поверхности остались голова и две руки, торчащие из проруби, которые отчаянно замахали, как усики жука, перевёрнутого на спину.

Картина была сюрреалистическая: тихая река, весеннее

солнце, и изо льда, словно неведомый ледяной тюльпан, растёт пара рук в варежках.

Мы с Вовкой застыли на секунду, а потом рванули к нему, катясь и поскальзываясь. Схватив каждый за руку, мы начали тянуть. Раздавались странные звуки, похожие на то, как вытаскивают пробку из полной бутылки. Лёд трещал, протестуя, но в конце концов сдался и выпустил нашу добычу.

Дима — мокрый с головы до ног, с лицом, выражавшим крайнее удивление. Мы с Вовкой, как выяснилось, в процессе спасательной операции уселись на лёд и были мокрыми по самую поясницу. Три мушкетёра, которых только что прополоскали в майском Тоболе.

Испуг был кратковременным, его моментально сменил животный инстинкт самосохранения и страх перед родительским гневом. Решение созрело мгновенно: домой! Бегом!

Мы неслись через дворы, оставляя за собой мокрый след. Дима хлюпал ботинками, а мы с Вовкой старались идти нормально, но мокрые штаны хлопали по ногам. Двор мы пересекли, как три преступника, рассредоточившись, и исчезли в подъездах своих домов. И конечно, никто из нас в школу не пошёл. Прогуляли.

Пока родители были на работе, мы сушили джинсы, куртки и носки на батареях. Воздух в комнатах стоял, как в прачечной. А мы, сидя у стационарных телефонов, хохотали до слёз.

— Ты видел, как он полетел? Как сурок из мультика! — громко смеялся Вовка.

А Дима, уже отогревшись, философски заметил:

— Зато теперь я знаю, каково это — быть морковкой на грядке. Только меня выдернули не за ботву, а за руки.

Вот таким был мой день рождения. С ледяной купелью, друзьями, которые тебя вытащат из любой передряги, и с воспоминанием, над которым мы смеёмся до сих пор.

Поездка на велосипеде за кукурузой

Сидели мы, три друга — я, Антон и ещё один товарищ, — на лавочке, уныло перебрасываясь словами. И тут Антону, чей внутренний компас всегда был настроен на частоту «Приключения», в голову ударила шальная мысль.

— А поехали за кукурузой! Говорят, на полях уже созрела кукуруза, и её много!

Идея была бредовой. Так как я слышал, что эти поля находятся неблизко и, возможно, под охраной. Мы все двинулись в дорогу на своих велосипедах. Третий наш друг, видимо, был благоразумнее, потому что, проехав пару километров, заявил, что дома его ждут неотложные дела, и поехал обратно в сторону дома. А мы с Антоном, настоящие герои, продолжили путь.

Двадцать километров под солнцем. Мы чувствовали себя первооткрывателями. Преодолели несколько кукурузных полей, но нас ждало горькое разочарование. Вместо могучих усатых початков торчала какая-то молочная мелочь, которая выглядела так, будто её только что отняли от груди. Никакой романтики!

Осознав, что до дома тоже надо как-то добираться и что скоро стемнеет, мы развернули своих железных коней обрат-

но. Энтузиазм наш слегка поутих.

И тут, словно в плохом приключенческом романе, нам навстречу вышел незнакомец. Парень был старше нас лет на 5, на велосипеде, и взгляд у него был какой-то затуманенный.

— Эй, пацаны, а вы чего тут ищете? — спросил он, и я внутренне съёжился.

— Кукурузу, — бодро ответил Антон.

— О, так я знаю, где есть! — оживился парень. — Большая, спелая, и охраны нет! Я сам туда еду, могу проводить.

Мой внутренний тревожный звоночек превратился в набат. Солнце клонилось к закату, этот тип был странноват. В общем, я заявил, что пора домой.

Но Антон! О, великий искатель приключений! В его глазах я увидел тот самый огонь, который, вероятно, горел в глазах у кота, побежавшего за колбасой. Его было не остановить.

— Я поеду! — заявил он.

— Антон, это ловушка! Он тебя заманит и заберёт твой велосипед! — шептал я.

Мы попрощались. Я поехал домой, чувствуя себя предателем, но и одновременно человеком, который поступил разумно. Но когда я уже поворачивал к подъезду, меня настиг такой ливень, что я промок до нитки. Выжимать пришлось даже носки.

Вечер. Я, чистый и сухой, уже вовсю рубился в компьютере, как вдруг в 22:00 раздался звонок, от которого у меня

ёкнуло всё внутри. На пороге была мама Антона. Её лицо было бледным, а глаза — полными слёз.

Начался допрос с пристрастием. Сначала с отцом, потом позвали меня.

— Где Антон?! Вы же вместе уехали! — почти крикнула она.

И тут я понял. Мне. Будет. Жарко. Потому что о нашей великой кукурузной экспедиции родители, естественно, не знали. Пришлось, краснея и бледнея, выкладывать всю правду про поля, про молочную кукурузу и, о ужас, про таинственного незнакомца.

Услышав про «старшего парня», мама Антона расплакалась ещё сильнее и ушла, а я остался стоять под тяжёлым, испепеляющим взглядом отца. В воздухе запахло жареным.

На следующее утро я увидел на улице Антона. Он шёл с видом человека, который тоже провёл вечер в неравном бою.

— Ну что?! — набросился я на него. — Где был? Кто тот тип?

Антон вздохнув поведал свою историю. Оказалось, он проехал с незнакомцем совсем немного, и его тоже догнало чувство здравого смысла. Антон развернулся и поехал обратно. Но назло судьба подкинула сюрприз — он проколол шину. Сначала шёл пешком, везя велосипед, чтобы не испортить шину окончательно, но тут хлынул тот самый ливень. Промокший и злой, пришлось вскочить на велосипед и поехать, В итоге «зажевало» покрышку вместе с камерой.

Домой Антон приплёлся глубокой ночью.

Мы переглянулись и одновременно хором выдохнули:

— Тебе тоже досталось от родителей?

— Ага.

Вот такая история о великой кукурузной гонке, которая закончилась не вкусными початками, а парой хороших взбучек.

Зимние покатушки

Зима в тот год выдалась на славу — сугробы по пояс, а снег на дорогах был «закатан» проезжающими автомобилями. Это был наш полигон. Наш автобан. Наша «Формула-1» по-кустанайски.

Главным развлечением был, конечно, «зацеп». Суть проста: подкараулить на обочине не слишком резвую машину, в идеале — гружёный грузовик или запыхавшийся «Москвич», подбежать сзади, ухватиться мёртвой хваткой за задний бампер и, присев на корточки, катиться за ней, как сани за оленем. Адреналин зашкаливал! Ветер бьёт в лицо, снежная пыль летит из-под колёс, а ты, словно бесстрашный камикадзе, несёшься по улице, и единственная твоя страховка — цепкость промёрзших пальцев в вязаных перчатках.

В тот ясный, морозный день мы с пацанами уже дежурили на своём посту. Была обкатана уже не одна машина. Димка отцепился у гаражей, Вовка проехал аж до рынка, а я только что совершил свой коронный заезд за хлебным фургоном — прокатился аж два квартала! Отцепившись руками от бампера и отряхивая снег с коленей, я чувствовал себя покорителем Эвереста. Победителем. Королём дороги.

И вот, стоя на тротуаре и с гордостью глядя на отступающие задние огни фургона, я услышал сквозь морозную тишину голос. Он не был похож на крики моих друзей. Он был

низким, размеренным и до боли знакомым. Он шёл сверху. Я медленно, как ленивец, поднял голову. Шестой этаж. Наша кухня. Распахнутая настежь форточка, из которой валил пар. И в ней — лицо моего отца. Обрамлённое бахромой инея, оно выражало не столько гнев, сколько… «научный интерес».

— Сыно-о-ок — прозвучало на всю улицу, без крика, но с такой металлической ноткой, от которой у меня похолодело всё что только можно. — Поднимайся, пожалуйста, домой! На минутку.

В голове пронеслась вся моя недолгая, но насыщенная жизнь. Я понял. Это не просто «зайти домой». Это был вызов на ковёр. Высшая инстанция.

Оказалось, папа в тот день решил съездить домой пораньше — пообедать. И вот, наливая себе борщ, он решил проветрить кухню и полюбоваться зимним пейзажем. А пейзаж, как назло, оказался очень динамичным: его сын лихо катается на заднем бампере чужой машины.

«Серьёзный разговор» проходил в тёплой кухне, пахнущей борщом и родительским терпением. Папа, запивая мой рассказ чаем, объяснил мне разницу между транспортным средством и аттракционом.

С тех пор я, конечно, больше ни за какие бамперы не цеплялся. Но ледяной ветер свободы, свист в ушах и пробирающий до костей голос из форточки навсегда остались во мне. Как напоминание о том, что иногда самое захватываю-

щее приключение может закончиться вовсе не падением в сугроб, а очень тёплым, но очень серьёзным разговором с отцом за тарелкой горячего борща.

Печёная картошка

Дело было в один из тех золотых осенних дней, когда после школы делать было нечего, а значит, сама судьба велит провести операцию «Запечённая картошка». Мы с дворовой бригадой — Игорем, Димкой и Вовкой, — как спецназ, действовали слаженно: Димка стащил из дома несколько картошек, Вовка организовал соль, Игорь натаскал сухих веток, а я, как старший по званию, отвечал за самое важное — костёр и палки для нанизывания.

Костёр у нас разгорелся что надо. Картошка, обугленная с виду, но тающая во рту внутри, была съедена с варварским аппетитом. Мы сидели на корточках, задумчиво хрустя угольками.

Незаметно стемнело. Улицы опустели, и только наши тени плясали в свете угасающих углей. Прогнав последнего, самого упрямого комара, мы потушили костёр по всем правилам дворового устава и разошлись по домам.

Я поднялся в квартиру, чувствуя себя этаким Маугли, вернувшимся из джунглей. В прихожей пахло уютом, борщом и маминым спокойствием. Из гостиной донесся голос отца:

— Опять, что ли, картошку пекли в костре?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.